

УДК 343(470+571)

DOI [10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).438-446](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).438-446)

О КРИМИНОГЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В.А. Номоконов

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

7 марта 2016 г.

Дата принятия в печать

22 июня 2016 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2016 г.

Ключевые слова

Антикриминальная политика;
уголовная политика; концепция
уголовно-правовой политики

Финансирование

Государственное задание

№ 29.763.2014/К Министерства
образования и науки Российской
Федерации

Аннотация. В какой степени российская антикриминальная политика адекватна новым вызовам и угрозам, куда направлен ее вектор? Постановка данного вопроса требует определиться с критериями адекватности уголовной политики. Во-первых, важно выявить влияние изменений (как текущих, так и будущих, предполагаемых) уголовного законодательства на динамику, структуру и социальные последствия преступности. Во-вторых, следует выяснить наличие (или отсутствие) необходимых и достаточных реальных оснований и условий для криминализации (декриминализации) тех или иных деяний. В-третьих, уголовная политика должна быть криминологически глубоко обоснованной, а не умозрительной, как нынешняя отечественная политика.

Одна из проблем оптимизации борьбы с преступностью кроется в научной необеспеченности законотворческого процесса и отсутствии внедрения научных разработок в практику. Существо проблемы заключается в том, что в России в сфере воздействия на преступность реальной декриминализации, реальной уголовной политики пока не видно. В настоящее время практика государственного воздействия на преступность во многих аспектах фактически является криминогенной. Сегодня мы вынуждены говорить и о криминальной практике борьбы с преступностью.

Несмотря на противоречивые изменения уголовного законодательства за последние 10–15 лет, можно утверждать, что доминирующим трендом в развитии российской уголовной политики является так называемая либерализация, выразившаяся в криминологически необоснованной декриминализации большого числа деяний.

На повестке дня криминологии и уголовного права в России сегодня остро встала проблема неадекватной уголовной политики, политики, не соответствующей ни современным данным науки, ни объективным социальным потребностям, ни естественным ожиданиям общества, уставшего от криминального произвола.

ON THE CRIMINAL CHARACTER OF RUSSIAN POLICY IN THE SPHERE OF FIGHTING CRIME

Vitaly A. Nomokonov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2016 March 7

Accepted

2016 June 22

Available online

2016 September 30

Abstract. To what extent is Russian anti-criminal policy adequate to new challenges and threats and what is its vector? To pose this question it is necessary to determine the criteria of criminal policy's adequacy. Firstly, it is important to identify the impact of changes (both current and future, prognosticated ones) in criminal legislation on the dynamics, structure and social consequences of crimes. Secondly, it is necessary to find out the presence (or absence) of necessary and sufficient grounds and conditions for the criminalization (de-criminalization) of some or other actions. Thirdly, criminal policy should be criminologically well-grounded, and not theoretical like contemporary Russian policy.

One of the problems of optimizing crime counteraction resides in the lack of the research support of lawmaking and the absence of practical implementation of research findings. The essence of the problem is that so far we can see no real de-criminalization, real criminal policy in the sphere of influencing crime in Russia. At present, the

Keywords

Anti-criminal policy; criminal policy;
concept of criminal and legal policy

Financing

State task № 29.763.2014/К
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

practice of state influence on crime is in fact criminogenic in its many aspects. Today we are forced to talk about the criminal practice of counteracting crimes.

In spite of contradictory changes in the criminal legislation in the last 10–15 years, it is possible to claim that the dominant trend in the development of Russian criminal policy is the so-called liberalization, which resulted in the criminologically unsubstantiated de-criminalization of a great number of actions.

An urgent problem on the agenda of criminology and criminal law in Russia today is the problem of inadequate criminal policy, the policy that corresponds neither to contemporary research data nor to the objective social demands or natural expectations of the society that is wary of criminal outrage.

В современных условиях стремительно-го развития информационных технологий и в связи с переживаемой миром четвертой промышленной революцией, сопровождающейся глобализацией экономики, нарастанием угроз различного характера и, как следствие, заметной трансформацией / деформацией общественных отношений и повсеместным усилением социальной напряженности, обостряется и криминальная обстановка. Отсюда объективно возникает потребность в соответствующей разумной корректировке государственной политики по борьбе с преступностью. Далее в тексте термины «государственная политика в области борьбы с преступностью», «уголовная политика», «антикриминальная политика» мной будут использоваться как синонимы.

Года два назад автору этих строк поступило предложение написать статью о криминологических основах уголовного законодательства. Готовя материал, я первым делом, разумеется, освежил в памяти известную работу В.Д. Филимонова «Криминологические основы уголовного права», написанную «в классике жанра» [1]. Но дело дальше не пошло. Дополнительное изучение вопроса показало, что до сих пор криминологи говорили о должном, но сущее, в виде УК РФ 1996 г., особенно с последующими многочисленными изменениями и дополнениями, как-то плохо вписывалось в прокрустово ложе криминологических рекомендаций. Более того, нынешняя уголовная (антикриминальная) политика вызывает все больше нареканий со стороны криминологов [2–5]. Сегодня с достаточным основанием можно говорить даже об определенной криминогенности (и коррупциогенности) ряда уголовно-правовых норм и уголовной политики в целом.

Надо сказать, что проблема современной российской преступности и противодействия ей вызывает интерес у зарубежных коллег [6–10]. Однако чаще этот интерес сосредоточен не столько на общих проблемах уголовной политики, сколько на ее отдельных аспектах.

В какой степени российская антикриминальная политика адекватна новым вызовам и угрозам, куда направлен ее вектор? Ответ на этот вопрос сегодня вряд ли может быть однозначным. Но сама постановка такого вопроса обязывает определиться с *критериями адекватности уголовной политики*, что тоже требует самостоятельного исследования. Считаю, что в качестве таких критериев могут (и должны) учитываться наряду, вероятно, с другими криминологические данные.

В связи с этим нужно сделать несколько предварительных общих замечаний. Развитие уголовно-правовой и криминологической отечественной науки, полагаю, закономерно подвело к выводу о необходимости обеспечения их более тесной, чем было до сих пор, взаимосвязи, даже определенной интеграции в рамках более широкой теории, концепции, парадигмы. Так, Г.Н. Горшенков достаточно убедительно обосновывает позицию, согласно которой криминология должна изучать не просто закономерности преступности и «антипреступности» (системы противодействия ей), но и в целом закономерности развития отраслей права криминологического цикла, в особенности механизмы реализации правовых мер предупреждения преступлений. У «расширенной науки» криминологии Г.Н. Горшенков не без оснований видит как минимум четыре ее специальные функции — интегративную, концептуальную, правообразовательную и оптимизирующую. Применительно к конкретной науке первая функция (интегративная) призвана «цементировать» разноотраслевые идеи или различные аспекты наук криминологического цикла в единую, общую концепцию, играющую роль общетеоретических основ. Прав Г.Н. Горшенков и в том, что уголовную политику необходимо выстраивать в соответствии с концепцией, научно оцененным и публично обсужденным законодательством. Вместо этого реальная современная российская уголовная политика бессистемно, путем проб и ошибок,

механически складывается из соответствующих законодательных и управленческих инициатив и их реализаций. При этом криминологические рекомендации и экспертные заключения остаются за рамками данных инициатив, законодательных и управленческих решений [11, с. 125].

К выводу о необходимости более тесного сближения, симбиоза криминологии и уголовного права пришли и другие коллеги. Так, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин справедливо замечают, что криминологическая «экспансия» во все сферы уголовной политики становится объективно необходимой и неизбежной [3, с. 30]. Об этом же пишет и П.Н. Панченко [12]. Примечательно, что юбилейный Конгресс уголовного права (май 2016 г., Москва) был, как известно, целиком посвящен криминологическим основам уголовного права. Эта инициатива ведущих ученых страны представляется весьма важной и многообещающей.

Возвращаясь к вопросу о критериях оптимальности (адекватности) уголовной политики, повторю, что он требует специального исследования. В порядке постановки вопроса предварительно выделяю следующие критерии.

Во-первых, важно выявить влияние изменений (как текущих, так и будущих, предполагаемых) уголовного законодательства на динамику, структуру и социальные последствия преступности.

В результате масштабных изменений, внесенных в УК федеральным законом от 8 декабря 2003 г. (обратим на это внимание), структура преступности стала иной: если до 2003 г. большую часть (примерно 60 %) всех зарегистрированных преступлений составляли тяжкие и особо тяжкие преступления, то после 2003 г. их доля снизилась вдвое. Примечательно, что инициаторы новой волны декриминализации в лице представителей Верховного Суда РФ апеллируют к тому, что значительная часть осуждаемых сегодня — лица, совершившие преступления небольшой и средней тяжести. Но при этом упускается из виду, что данное обстоятельство не столько отражает снижение реальной опасности преступности, сколько представляет собой результат мало или совсем криминологически не обоснованных изменений законодательства.

Это особенно заметно в связи с резкой трансформацией в последние десятилетия структуры зарегистрированной преступности. Если в 1990 г. в СССР, и в РСФСР в том числе, доля тяжких преступлений в структуре преступности

составляла лишь 15 %, то к 2000 г. в России она выросла до 60 % — в 4 раза. Отчасти это было связано с введением в действие (в 1997 г.) нового Уголовного кодекса. Удельный вес тяжких преступлений, предусмотренных в УК 1996 г., по сравнению с УК РСФСР 1960 г. вырос почти в 2 раза — с 16 до 29 %. Но основная масса деяний (71 %) в УК, тем не менее, была отнесена к не-тяжким преступлениям [13; 14, с. 833]. Однако, как видим, впоследствии законодатель пошел еще дальше, «разгрузив» номинально массив преступности. В настоящее время (на февраль 2016 г.), по данным МВД РФ, доля тяжких и особо тяжких преступлений в общей массе зарегистрированной преступности составляет не более 22 %. То есть «тяжесть» преступности вернулась к рубежам советского времени, и вряд ли сейчас существует острая потребность в масштабной декриминализации.

Во-вторых, следует выяснить наличие (или отсутствие) необходимых и достаточных реальных оснований и условий для криминализации (декриминализации) тех или иных деяний.

Проблема оснований и условий криминализации остается дискуссионной, несмотря на многочисленные исследования. К этому вопросу вернемся ниже.

В-третьих, уголовная политика должна быть криминологически глубоко обоснованной, а не умозрительной, как нынешняя отечественная политика.

Представляется, что сегодня одна из проблем оптимизации борьбы с преступностью кроется в научной необеспеченности законодательного процесса и отсутствии внедрения научных разработок в практику. Данная коллизия, в свою очередь, заключена не столько в качестве названных разработок, сколько в их упорной невостребованности теми, кому они предназначены. Можно много говорить об организационной и содержательной стороне или качестве формируемых рекомендаций, но, пока власть не услышит ученых, ничего не изменится.

Говоря о научной оценке современной уголовной политики, замечу, что если не большинство, то многие специалисты в области уголовного права и криминологии, теории и практики, выражают серьезную озабоченность в отношении реальной отечественной уголовной политики как системного и адекватного реагирования государства на криминальные проявления, вплоть до отрицания ее наличия. Существо проблемы заключается в том, что в сфере воздей-

ствия на преступность реальной декриминализации, реальной уголовной политики в России пока не видно, причем ни на федеральном, ни на региональном уровне. Конечно, мы видим некую политику в отношении преступности, но назвать ее антикриминальной без большой натяжки нельзя. Причина — как в бессистемности изменений уголовного законодательства, так и в их определенной ангажированности, даже лоббированности. «Современное состояние уголовно-правовой политики России, — как отмечал генеральный прокурор РФ на парламентских слушаниях в Совете Федерации еще в 2013 г., — характеризуется отсутствием четко обозначенных и принятых на соответствующем уровне концептуальных основ ее формирования. Это порождает внесение многочисленных непоследовательных, а порой противоречивых изменений в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Только в Уголовный кодекс Российской Федерации, изначально содержащий 360 статей, за время его действия внесено свыше 700 поправок. В результате он утратил свойство системности» [15].

Более того, широко декларируемая декриминализация в нашей стране на деле все чаще, увы, приводит к результатам, обратным заявленным. Реальная практика государственного воздействия на преступность, на мой (да и не только мой) взгляд, сегодня во многих аспектах фактически потворствует преступности, т.е. является по сути криминогенной [2].

Во-первых, государственное воздействие на преступность в настоящее время совершенно неадекватно складывающейся криминальной ситуации. Последние несколько лет все больше возникают ножницы между ежегодным ростом количества заявлений и сообщений о происшествиях и преступлениях и постоянным снижением числа зарегистрированных преступлений. И на это обстоятельство уже также обратили внимание криминологи. Если проанализировать данные уголовной статистики последних лет о числе сообщений и заявлений о преступлениях и происшествиях и числе зарегистрированных преступлений, то можно увидеть достаточно четкую парадоксальную картину, совмещающую ежегодный рост числа сообщений о преступлениях и упорное снижение правоохранными органами количества зарегистрированных преступлений. Соответственно, с каждым годом уменьшается и доля возбужденных уголовных дел в общей массе сообщений о преступлениях.

Во-вторых, уголовная политика, уголовное законодательство, похоже, лоббируются в определенных интересах, поскольку изменения, внесенные в УК в последние годы, вызывают у ученых и практиков вполне обоснованное недоумение. Это и произошедшая в 2003 г. отмена конфискации как меры наказания, и возможность условного осуждения при назначении наказания в виде лишения свободы на длительные сроки (чему нет аналогов в мировой практике). Это и более поздняя отмена нижних пределов санкций во многих статьях УК, и декриминализация товарной контрабанды в декабре 2011 г., и наделение судов правом самостоятельно (нонсенс!) определять категорию преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ), и т.д.

В-третьих, увы, мы уже можем говорить не только об известной коррупциогенности ряда норм Уголовного кодекса, но и об их общей криминогенности. Так, петербургские криминологи (профессор Д.А. Шестаков и др.) в последнее время не без оснований обращают внимание на возможность преступности самого уголовного закона и даже политики [16].

Сегодня мы вынуждены отметить и *криминальную практику* борьбы с преступностью, когда государство в лице сотрудников правоохранительных органов все чаще втягивается в разнообразные схемы преступного поведения — рейдерские захваты, «крышевание» незаконной деятельности, фабрикации уголовных дел, пытки в отношении задержанных и арестованных и т.п.

Так, в Докладе российских неправительственных организаций по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток (октябрь 2012 г.) сообщалось, что в последние несколько лет в стране происходит рост числа жалоб на противоправное насилие в отношении граждан со стороны сотрудников правоохранительных органов. Эта практика распространена повсеместно, однако эффективные механизмы проверки и расследования жалоб отсутствуют¹.

Таким образом, на повестке дня криминологии и уголовного права в России сегодня является и проблема неадекватной или даже криминогенной уголовной политики, политики, не соответствующей ни современным данным науки, ни объективным социальным потребно-

¹ Доклад российских неправительственных организаций по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток. URL : http://publicverdict.ru/articles_images/10659_57694_docpt.pdf.

стям, ни естественным ожиданиям общества, уставшего от криминального произвола.

Представляется, что с точки зрения адекватности реалиям вектор уголовной политики может иметь следующие варианты:

1. *Либерализация*. Несмотря на противоречивые изменения уголовного законодательства за последние 10–15 лет, можно утверждать, что доминирующим трендом в развитии уголовной политики является либерализация, выразившаяся в декриминализации большого числа деяний, особенно в 2003 г., в переводе многих преступлений в категорию преступлений меньшей тяжести.

Проект федерального закона о внесении новых существенных изменений в УК РФ вызвал весьма острую, хотя и небезосновательную критику в литературе² [17].

Основная идея новой гуманизации УК РФ состоит в том, что преступления небольшой и средней тяжести (т.е. те, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пяти лет лишения свободы) будут переведены в Кодекс об административных правонарушениях. Это почти все статьи разд. VII «Преступления против личности», включая гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья», Особенной части УК РФ. Данный проект, как представляется, весьма наглядно иллюстрирует полную криминологическую несостоятельность предлагаемых новаций, что весьма печально.

Можно констатировать, что под флагом гуманизации на самом деле имеет место либерализация как явно необоснованное, несправедливое послабление лицам, совершившим преступление.

2. *Избыточная криминализация*. Говоря о криминализации, нужно иметь в виду соответствующее средство уголовной политики, в отличие от криминализации в криминологическом, т.е. буквальном, понимании как замены позитивных легальных общественных отношений отношениями криминальными. Избыточность криминализации находит свое выражение в отнесении в разряд преступлений деяний, которые не причиняют и не могут причинить существенного вреда охраняемым законом интересам личности, общества или государства.

² Эксперты: Гуманизация Уголовного кодекса РФ приведет к росту преступности. URL : <http://riafan.ru/488422-eksperty-gumanizaciya-ugolovnogo-kodeksa-rf-privedet-k-rostu-prestupnosti>.

Здесь вновь возникает вопрос об основаниях и условиях криминализации общественно опасных деяний, их учете при решении вопросов криминализации или декриминализации.

Изменения, внесенные 29 июня 2013 г. в ст. 148 УК и криминализировавшие действия «в целях оскорбления чувств верующих», стали, по справедливой оценке М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, новым свидетельством «завышенной интенсивности защиты», а по сути, ее имитацией, «подменой реальных мер борьбы с преступностью бесполезными «подделками» [3, с. 37].

Вариантом избыточной криминализации могут быть и случаи, когда в УК появляются новые статьи, по сути лишние, дублирующие уже имеющиеся. Так произошло с «почкованием» мошенничества, разросшегося недавно (в соответствии с законом РФ от 29 ноября 2012 г.) еще на шесть статей УК. Законом РФ от 30 декабря 2015 г. в УК введена ст. 215.4, устанавливающая уголовную ответственность за «незаконное проникновение на охраняемый объект», что, в сущности, находится в том же ряду избыточной криминализации.

3. Еще один важный вопрос — *допустимость так называемой административной преюдиции*, от которой законодатель отказался в УК 1996 г. и которая, тем не менее, все активнее «просачивается» в кодекс. Самый свежий пример: введение в УК РФ 31 декабря 2014 г. (вероятно, в качестве своеобразного новогоднего подарка) ст. 264.1, предусматривающей уголовную ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения и ранее подвергнутым административному наказанию за это же деяние. Противники легализации административной преюдиции в уголовном праве говорят как раз об избыточности криминализации в подобных случаях, о двойной ответственности за одно и то же деяние и т.п. Однако возможно и другое решение этого вопроса.

Так, М.А. Лапина, Ю.В. Трунцевский и Д.В. Карпухина пришли к выводу о том, что административная преюдиция становится средством декриминализации ряда преступлений путем их инкорпорирования в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Административная преюдиция обоснованно представляется авторами в качестве коррелирующей смычки между уголовным и административным правом. Она позволяет четко разграничить составы административных

правонарушений и уголовных преступлений и, кроме того, может рассматриваться в качестве способа декриминализации отдельных видов преступлений посредством инкорпорирования в КоАП РФ исключенных из УК РФ составов. Названные авторы верно пишут о том, что принципиально важно идеологический вектор оценки административной преюдиции как сугубо карательного института кардинально поменять и определять ее как средство, наоборот, декриминализации уголовных преступлений [18].

Есть и другие аргументы. Для оптимизации уголовной политики чрезвычайно важны правильное понимание, взвешенная законодательная и правоприменительная оценка характера и степени общественной опасности не только деяния, но и личности, ее роли в совершенном преступлении. Между тем сегодня можно видеть по крайней мере один явный перекося, когда действующее законодательство все дальше уходит от учета личности в сторону механической оценки лишь характера и степени тяжести преступления. В результате уголовная политика становится все более «безличностной».

Чтобы не быть голословным, сошлюсь, прежде всего, на изменения, произошедшие в уголовном законодательстве в последние годы. Сначала в УК 1996 г., как известно, исчезла категория особо опасного рецидивиста. Затем в 2003 г. ликвидирована уже неоднократно преступлений. Все это мотивировалось недопустимостью двойного учета признаков преступления. При этом ушло в тень то обстоятельство, что общественная опасность личности и преступления не совпадает и что опасная личность может существенно повысить степень опасности и самого преступления, и это можно (и нужно) отражать в законе.

Ликвидация понятия особо опасного рецидивиста в УК РФ представляется криминологически необоснованной, так как общественная опасность деяния прямо зависит (хотя и не совпадает с ней) и от опасности лица, совершившего преступление. Сегодня раздаются призывы уже и к ликвидации самого института рецидива, так как он якобы нарушает принцип равенства перед законом. Уже говорят и о неприемлемости института судимости по этим же основаниям [19, с. 16]. Но о каком равенстве перед законом можно говорить применительно к рецидивисту и лицу, впервые совершившему преступление, если еще есть и принцип справедливости?

Думается, что имеющаяся деформация уголовной политики, выражающаяся в недооценке

личности преступника, в определенной степени связана с ослаблением внимания законодателей, теоретиков и практиков к категории общественной опасности личности преступника. По-прежнему пугающе звучат предостережения впасть в пресловутую теорию «опасного состояния». Между тем порочность данной теории, пожалуй, состоит не столько в концепции как таковой, сколько в переносе акцентов на личность безотносительно к совершаемому деянию, в признании допустимости уголовной репрессии на основании одной лишь «опасности» личности. Без реального преступления, разумеется, нет и личности преступника, а есть лишь лицо, склонное к нему.

Представляется, что ликвидация института неоднократности в соответствии с законом от 8 декабря 2003 г. произошла, помимо других причин, также вследствие недооценки повышенной опасности лиц, совершающих преступления повторно. Об этом в свое время совершенно четко высказывался и профессор П.С. Дагель. Полемизируя с профессором Н.Ф. Кузнецовой, полагающей, что этот признак относится к объективной стороне преступления, П.С. Дагель правильно указывал, что смысл включения этого признака в составы преступлений заключается в необходимости дать характеристику повышенной общественной опасности преступника, а не самого по себе преступления [20].

С учетом сказанного совершенно иначе может (и должен) выглядеть институт преюдиции. В УК 1960 г. девять статей предусматривали уголовную наказуемость за повторное или неоднократное совершение ряда деяний. Как верно отмечал П.С. Дагель, «в подобной конструкции составов проявляется стремление законодателя сузить сферу применения уголовного наказания путем отказа от признания преступными правонарушений, совершенных впервые... В то же время сохраняется возможность применения уголовного наказания к лицам, не поддающимся административному или общественному воздействию и злобно совершающим аналогичные нарушения» [21, с. 27].

Серьезным событием, на мой взгляд, явилась разработка проекта Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, которая была опубликована на сайте Общественной палаты РФ³. Проект содержит важней-

³ Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Общественная палата Российской Федерации : офиц. сайт. URL : <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889?offset=1>.

шие теоретические и политические положения, реализация которых могла бы существенно продвинуть страну в деле борьбы с преступностью. Разумеется, нужно широкое научное обсуждение представленного документа и по его результатам — утверждение данной Концепции в качестве государственной. Пока, к сожалению, похоже, что этого почти не происходит, хотя добротная основа Концепции уже наработана. Хотелось бы призвать коллег к поддержке данной идеи.

Существенно важной представляется задача «детализировать критерии отграничения преступлений от иных правонарушений, в первую очередь, от административных правонарушений, минимизировать объемы усмотрения правоприменителя в решении вопроса об отграничении преступлений от непроступных деяний» (п. 11 проекта). Этой проблеме был посвящен специальный выпуск журнала «Библиотека криминалиста» (2013, № 2), и поэтому нет необходимости повторяться. Напомню лишь вкратце свою позицию по этому вопросу.

В российской литературе в качестве критерия отграничения преступлений от иных правонарушений, прежде всего административных, иногда предлагают ссылку на «общественную опасность», которая-де присуща только преступлениям и отсутствует в иных правонарушениях.

Есть ли (или должны ли быть) объективные отличия преступлений от иных правонарушений кроме формального — «предусмотренности» в УК? Представляется, что главный критерий подобного разграничения — определенная степень общественной опасности деяния. Более конкретно и в то же время обобщенно эту степень можно обозначить лишь оценочным признаком. Полагаю, что он должен указывать на более высокую опасность преступных деяний в сравнении с другими видами правонарушений, и в первую очередь административными. Учи-

тывая, что наименее опасные преступления, в соответствии с законом, не представляют «большой общественной опасности», логично высказать утверждение, согласно которому все иные правонарушения должны быть отнесены к категории «малозначительных» — с точки зрения уголовного закона — деяний.

Наиболее общим критерием качества для всех преступных проявлений может служить, как верно подчеркивают А.И. Долгова, Л.М. Прокументов и др., нарушение уголовно-правового запрета, представляющее собой наивысшую (повышенную, достаточно высокую) степень общественной опасности по сравнению с иными негативными социальными отклонениями [22, с. 17; 23, с. 30]. Таким образом, любое преступление причиняет существенный (реальный или возможный) вред охраняемым общественным отношениям, ценностям, закрепленным в законе.

Интересно в проекте прописан пункт «Информационное обеспечение эффективности уголовно-правовой политики» (п. 15 проекта), который «требует оптимизации системы формирования, анализа, публичного представления и оценки данных о результатах реализации уголовно-правовой политики и перспективах ее развития». Здесь предлагается, в частности, организовать формирование соответствующей эмпирической базы данных, проведение различного рода опросов и т.п. Но кто это сможет сделать профессионально? В этой связи заслуживают самого пристального внимания и поддержки предложения участников проходившей в Москве научно-практической конференции (январь 2014 г.), внесенные в Обращение к президенту [24]. В упомянутом Обращении, в частности, ставится вопрос о создании в стране профессиональной криминологической службы. Реализация данного предложения позволила бы существенно продвинуться в решении проблемы реальной оптимизации уголовной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. — 213 с.
2. Алексеев А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. — М. : Норма, 2006. — 144 с.
3. Бабаев М.М. Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — М. : Проспект, 2014. — 296 с.
4. Лунеев В.В. Истоки и пороки уголовного законодательства / В.В. Лунеев. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 320 с.
5. Коробеев А.И. Современная российская уголовно-правовая политика: вялотекущая эволюция или радикальное реформирование уголовного законодательства? / А.И. Коробеев // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. П.С. Давеля. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. — С. 28–46.
6. Firestone J. Russia's Crime of the Century [Electronic resource] / Jamison Firestone. — Mode of access : <http://foreignpolicy.com/2011/04/20/russias-crime-of-the-century>.

7. Alexandrova A. Russia: new criminal process code promises a more tolerant incarceration policy / A. Alexandrova // *Canadian HIV/AIDS Policy & Law Review*. — 2003. — Vol. 8, iss. 1. — P. 54.
8. Krus D.J. Changes in crime rates and family-related values in selected East European countries / D.J. Krus, E.A. Nelsen, J.M. Webb // *Psychological Reports*. — 1997. — Vol. 81, iss. 3. — P. 747–751.
9. Rutherford A. Criminal policy and the eliminative ideal / A. Rutherford // *Social Policy and Administration*. — 1997. — Vol. 31, iss. 5. — P. 116–135.
10. Criminal victimisation and health: Examining the relation in nine countries of the former Soviet Union / A. Stickley, A. Koyanagi, B. Roberts, D. Rotman, M. McKee // *Social Science and Medicine*. — 2013. — Vol. 91. — P. 76–83.
11. Горшенков Г.Н. Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития / Г.Н. Горшенков. — Н. Новгород : Нижегород. правовая акад., 2015. — 172 с.
12. Панченко П.Н. Уголовное право и криминология как науки-партнеры / П.Н. Панченко // *Право и государство: теория и практика*. — 2011. — № 8. — С. 104–110.
13. Номоконов В.А. Российская преступность в условиях глобализации / В.А. Номоконов // *Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон* / под ред. А.И. Долговой. — М. : Рос. криминол. ассоц., 2001. — С. 45–51.
14. Сидоренко Э.Л. Парадигмы российского уголовного права в условиях глобализации / Э.Л. Сидоренко // *Научные основы уголовного права и процессы глобализации : материалы 5-го Рос. конгр. уголов. права, 27–28 мая 2010 г.* — М. : Проспект, 2010. — С. 828–833.
15. Чайка Ю.Я. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Чайки Ю.Я. на парламентских слушаниях на тему «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения» 18 ноября 2013 г. [Электронный ресурс] / Ю.Я. Чайка // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. — Режим доступа : <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-85492>.
16. Шестаков Д.А. Преступность политики. Размышления криминолога. 2013 / Д.А. Шестаков. — СПб. : Алеф-Пресс, 2013. — 224 с.
17. Скобликов П.А. Мелкие кражи — крупные заблуждения: концептуальное заявление депутата и его анализ / П.А. Скобликов // *Закон*. — 2015. — № 12. — С. 113–120.
18. Лапина М.А. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения преступлений и административных правонарушений в современный период / М.А. Лапина, Ю.В. Трунцевский, Д.В. Карпухина // *ВВ: Административное право и практика администрирования*. — 2015. — № 2. — С. 24–56.
19. Зубакин В.Ю. Институт рецидива преступлений как нарушение принципа равенства перед законом в системе уголовной ответственности / В.Ю. Зубакин // *Российский следователь*. — 2006. — № 8. — С. 15–16.
20. Дагель П.С. Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью в период развернутого строительства коммунизма (в свете учения В.И. Ленина об убеждении и принуждении) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.С. Дагель. — Л., 1962. — 23 с.
21. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве : учеб. пособие / П.С. Дагель. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1970. — 132 с.
22. Долгова А.И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность / А.И. Долгова // *Библиотека криминалиста*. — 2015. — № 6. — С. 9–19.
23. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний / Л.М. Прокументов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. — 142 с.
24. Долгова А.И. Обращение к Президенту Российской Федерации В.В. Путину участников Всероссийской научно-практической конференции «Криминологическая ситуация в России, состояние реагирования и направления антикриминальной политики» (28–29 янв. 2014 г., МГУ) / А.И. Долгова // *Российский криминологический взгляд*. — 2014. — № 1 (37). — С. 32–33.

REFERENCES

1. Filimonov V.D. *Kriminologicheskie osnovy ugovolnogo prava* [Criminological Basis of Criminal Law]. Tomsk State University Publ., 1981. 213 p.
2. Alekseev A.I., Ovchinskii V.S., Pobegailo E.F. *Rossiiskaya ugovolnaya politika: preodolenie krizisa* [Russian Criminal Policy: overcoming the crisis]. Moscow, Norma Publ., 2006. 144 p.
3. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Problemy rossiiskoi ugovolnoi politiki* [Issues of Russian Criminal Policy]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 296 p.
4. Luneev V.V. *Istoki i poroki ugovolnogo zakonotvorchestva* [The Sources and Flaws of Criminal Lawmaking]. Moscow, Yurлитin-form Publ., 2014. 320 p.
5. Korobeev A.I. Contemporary Russian criminal law policy: a slow evolution or a radical reform of criminal lawmaking? *Ugovolnaya politika i pravo v epokhu peremen. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora P.S. Dagelya* [Criminal Policy and Law in the Time of Changes. Materials of International Research Conference in Memory of Professor P.S. Dagel]. Vladivostok, Far-Eastern Federal University Publ., 2010, pp. 28–46. (In Russian).
6. Firestone Jamison. Russia's Crime of the Century. Available at: <http://foreignpolicy.com/2011/04/20/russias-crime-of-the-century>.
7. Alexandrova A. Russia: new criminal process code promises a more tolerant incarceration policy. *Canadian HIV/AIDS Policy & Law Review*, 2003, vol. 8, iss. 1, pp. 54.
8. Krus D.J., Nelsen E.A., Webb J.M. Changes in crime rates and family-related values in selected East European countries. *Psychological Reports*, 1997, vol. 81, iss. 3, pp. 747–751.
9. Rutherford A. Criminal policy and the eliminative ideal. *Social Policy and Administration*, 1997, vol. 31, iss. 5, pp. 116–135.
10. Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Rotman D., McKee M. Criminal victimization and health: Examining the relation in nine countries of the former Soviet Union. *Social Science and Medicine*, 2013, vol. 91, pp. 76–83.

11. Gorshenkov G.N. *Kriminologiya kak «rasshirennaya nauka» o prestupnosti: vremya stanovleniya i razvitiya* [Criminology as an «extended» science of crime: the time of emergence and development]. Nizhny Novgorod Law Academy Publ., 2015. 172 p.
12. Panchenko P.N. Criminal law and Criminology as a science partner. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2011, no. 8, pp. 104–110. (In Russian).
13. Nomokonov V.A. Russian criminality in the conditions of globalization. In Dolgova A.I. (ed.). *Zakonomernosti prestupnosti, strategiya bor'by i zakon* [Laws of criminality, strategy of struggle and the law]. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2001, pp. 45–51. (In Russian).
14. Sidorenko E.L. Paradigms of Russian criminal law in the conditions of globalization. *Nauchnye osnovy ugovnogo prava i protsessy globalizatsii. Materialy V Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava. 27–28 maya 2010 g.* [Scientific Basis of Criminal Law and the Processes of Globalization. Materials of V Russian Congress of Criminal Law. May 27–28, 2010]. Moscow, Prospekt Publ., 2010, pp. 828–833. (In Russian).
15. Chaika Yu.Ya. A speech of Prosecutor General of the RF Yu.Ya. Chaika at the parliamentary session dedicated to «Criminal policy in the Russian Federation: problems and solutions», November 18, 2013. *General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii* [The Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. Available at: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-85492>. (In Russian).
16. Shestakov D.A. *Prestupnost' politiki. Razmyshleniya kriminologa. 2013* [The Criminal Character of Politics. A Criminologist's Thoughts. 2013]. Saint Petersburg, Alef-Press, 2013. 224 p.
17. Skoblikov P.A. Petty theft as cruel deception: the conceptual statement by the lawmaker and its analysis. *Zakon = Law*, 2015, no. 12, pp. 113–120. (In Russian).
18. Lapina M.A., Truntsevskii Yu.V., Karpukhina D.V. Administrative prejudice as a way of de-criminalizing crimes and differentiating between crimes and administrative offences in the contemporary period. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya = NB: Administrative Law and Administration Practice*, 2015, no. 2, pp. 24–56. (In Russian).
19. Zubakin V.Yu. The institute of repeat crimes as a violation of the principle of equality before the law in the system of criminal liability. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2006, no. 8, pp. 15–16. (In Russian).
20. Dageľ P.S. *Rol' ugovnoi repressii v bor'be s prestupnost'yu v period razvernutoho stroitel'stva kommunizma (v svete ucheniya V.I. Lenina ob ubezhdenii i prinuzhdenii). Avtoref. Kand. Diss.* [The role of criminal repressions in fighting crime in the period of active construction of communism (from the standpoint of V.I. Lenin's theory of persuasion and compulsion). Cand. Diss. Thesis]. Leningrad, 1962. 23 p.
21. Dageľ P.S. *Uchenie o lichnosti prestupnika v sovetskom ugovnom prave* [The Doctrine of a Criminal's Personality in Soviet Criminal Law]. Vladivostok, Far-Eastern Federal University Publ., 1970. 132 p.
22. Dolgova A.I. On whether criminology and criminological view on crime is necessary. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*, 2015, no. 6, pp. 9–19.
23. Prozumentov L.M. *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyanii* [Criminalization and De-criminalization of Action]. Tomsk State University Publ., 2012. 142 p.
24. Dolgova A.I. Appeal to the President of the Russian Federation V.V. Putin by the Participants of the All-Russian Scientific Practical Conference «Criminological Situation in Russia, State of Response and Direction of Anti-Criminal Politics» (January 28–29, 2014, Moscow State University). *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2014, no. 1 (37), pp. 32–33. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Номоконов Виталий Анатольевич — профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, директор Центра по изучению организованной преступности и коррупции, доктор юридических наук, профессор, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: nomokonov@rambler.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Номоконов В.А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью / В.А. Номоконов // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 3. — С. 438–446. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).438-446.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nomokonov, Vitaly A. — Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Head, Center of Studying Organized Crime and Corruption, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: nomokonov@rambler.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Nomokonov V.A. On the criminal character of Russian policy in the sphere of fighting crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 438–446. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).438-446. (In Russian).